Проф.-Прот. М. ЛИСИЦЫНЪ.

СМЫСЛЪ ЖИЗНИ.

(Лекція, читанная студентамъ Императорской Военно-Медицинской Академіи).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Алекс.-Невск. Общ. Трезвости, Обводный кан., 116.
1913 г.

Пров. 1958

Пр.

ВУ
1400

СМЫСЛЪ ЖИЗНИ.

(Лекція, читанная студентамъ Императорской Военно-Медицинской Академіи).

Первое чтеніе я посвящаю вопросу, рѣшеніе котораго, по моему воззрѣнію, является самымъ главнымъ для молодежи. Это вопросъ о смыслѣ и цѣли нашего существованія.

Когда молодой человѣкъ разовьется и начинаетъ жить сознательной жизнью, то одна изъ первыхъ мыслей, которая затрагиваетъ его душу и встаетъ предъ нимъ во всей силѣ, выражается въ вопросѣ, зачѣмъ мы существуемъ, какой смыслъ нашего бытія, иначе—какая цѣль нашего существованія? Эта идея даетъ себя иной разъ чувствовать даже гораздо раньше, чѣмъ другія, тоже высокой важности, каковы, напр., о бытіи Божіемъ, о существованіи души, ея безсмертіи, загробной жизни, а также о свободѣ нравственной воли и т. п.

Вамъ, будущимъ врачамъ, придется бороться съ болѣзнями, возстановлять здоровье, стремиться продлить жизнь людей и т. д. Но, спрашивается, какая цѣль всей этой вашей дѣятельности, какая ей цѣна, какой ея смыслъ, если бы сама жизнь человѣка на землѣ не имѣла бы никакой цѣли для своего существованія или цѣль, немногимъ большую, чѣмъ, напр., жизнь травы и др. растеній?

Поэтому вопросъ о цѣли и смыслѣ жизни человѣка для васъ, будущихъ врачей, не безразличенъ. Онъ, если угодно, долженъ быть поставленъ во главу угла всей вашей дѣятельности, если вы хотите, чтобы ваша дѣятельность носила осмысленный характеръ и освѣщена

была бы въ вашемъ интеллигентномъ сознаніи всесторонне.

Кромѣ того, вопросъ о смыслѣ нашего существованія является настолько существеннымъ и важнымъ, что онъ бываетъ нерѣдко причиною тѣхъ или иныхъ моральныхъ страданій, въ особенности у молодежи, и отъ такого или иного его рѣшенія часто зависитъ судьба многихъ молодыхъ жизней. Нерѣдко намъ приходится слышать, или читать въ газетахъ о трагическихъ развязкахъ съ жизнью, при чемъ покончившій съ собою молодой человѣкъ оставляетъ записку: „рѣшилъ съ собою покончить потому, что не вижу цѣли жизни". Этотъ вопросъ о цѣли жизни, такъ или иначе варіированный, чаще всего встрѣчается въ послѣднихъ словахъ самоубійцъ, и этотъ фактъ еще разъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что вопросъ о смыслѣ жизни является для молодежи самымъ существеннымъ и основнымъ вопросомъ, рѣшеніе котораго весьма важно не только для всей нашей дѣятельности, но и для самаго нашего существованія.

Множество людей, однако, живетъ, не задаваясь вопросами о цѣли и смыслѣ своего существованія. Они замѣняютъ этотъ высокой плоскости вопросъ болѣе близкими и понятными для себя короткими земными стремленіями и заботятся объ осуществленіи ихъ въ своей жизни. Примѣровъ этому много. Чичиковъ (Павелъ Ивановичъ) ставитъ себѣ цѣлью жизни какъ можно больше скупить „мертвыхъ душъ", выгодно заложить ихъ, получить деньги и затѣмъ жить въ свое удовольствіе. Скупой рыцарь конечной цѣлью своего существованія ставитъ задачу наполнить свои подвалы золотомъ, чтобы посредствомъ него чувствовать свое могущество, сознавать, что „отселѣ міромъ править можетъ онъ".

Но и у такихъ лицъ, хоть разъ въ жизни, хотя бы на смертномъ одрѣ, всплываетъ вопросъ: „для чего я жилъ"? „Какая была цѣль и какой смыслъ моего существованія на землѣ"? Горе, раскаяніе и т. п. чувства, охватывающія человѣка, если онъ чувствуетъ себя виновнымъ предъ высшимъ моральнымъ закономъ, который всего сильнѣе начинаетъ говорить внутри человѣка

при концѣ его жизни, служатъ лучшимъ показателемъ того, что вопросы о цѣли жизни, о смыслѣ нашего существованія непраздные вопросы, а имѣютъ глубокій raison d' être для своего бытія. Кромѣ смертнаго часа, такіе телеологическаго характера вопросы поднимаются и при разнаго рода жизненныхъ неудачахъ, которыя иной разъ перевертываютъ всю душу человѣка. Въ такомъ состояніи, можно думать, находился Чичиковъ, находясь въ тюрьмѣ, когда къ нему пришелъ Муразовъ, которому онъ говоритъ: „Самъ погубилъ самого себя, чувствую, что погубилъ—не умѣлъ во-время остановиться". „О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь"! Въ этотъ моментъ Чичиковъ, очевидно, почувствовалъ безсмысленность прежней жизни. Также чувствуетъ себя иной юноша послѣ цѣлаго ряда безпутныхъ кутежей, въ которыхъ онъ въ первый разъ потерялъ свою чистоту. Безсмысленность подобнаго времяпровожденія, благодаря голосу совѣсти, который въ такіе моменты жизни начинаетъ сильнѣе говорить, начинаетъ глубже сознаваться. Тогда предъ духовнымъ взоромъ человѣка, непотерявшаго еще окончательно совѣсти, начинаетъ появляться образъ иной жизни, болѣе чистой, болѣе идеальной. Тотъ же Чичиковъ говоритъ потомъ: „Глупы мы, за суетой гоняемся! Право отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять земель. Чѣмъ не жизнь, если займешься, хотя бы и въ глуши? Вѣдь, удовольствіе, дѣйствительно, въ трудѣ... И ничего нѣтъ слаще (и это вѣрно), какъ плодъ собственныхъ трудовъ".

Но у нѣкоторыхъ людей, особенно въ юношескомъ возрастѣ, вопросъ о цѣли и смыслѣ нашего существованія стоитъ въ иные моменты жизни такъ остро, что является иногда источникомъ цѣлыхъ драмъ и трагическихъ развязокъ ихъ. Сознаніе безпутности, безсмысленности пустого времяпровожденія съ одной стороны, а съ другой представленіе о лучшей, болѣе идеальной формѣ жизни создаютъ въ душѣ юноши такое иной разъ столкновеніе чувствъ и идей, что юноша съ впечатлительной душевной организаціей не выдерживаетъ этого разлада. И чѣмъ честнѣе и прямолинейнѣе юноша, тѣмъ онъ иной разъ рѣшительнѣе устремляется къ

катастрофѣ. И вотъ, одинъ моментъ, и молодая жизнь прекращаетъ свое существованіе путемъ самоубійства.

Вотъ почему важно каждому человѣку, вступающему въ жизнь, особенно юношѣ, уяснить себѣ заранѣе, въ чемъ же, собственно говоря, заключается смыслъ нашей жизни на землѣ?

Ясно, что смыслъ жизни не можетъ заключаться въ тѣхъ маленькихъ, низменныхъ цѣляхъ, которыя ставятъ себѣ иногда люди. Примѣры этихъ цѣлей были только что сейчасъ приведены. Онѣ имѣютъ кратковременную продолжительность, узкій масштабъ, и не только не доставляютъ, какъ мы видѣли, прочнаго счастья, но даже носятъ въ себѣ горечь, или своего рода духовный ядъ, отравляющій жизнь и доставляющій ей страданія. Даже болѣе сильные характеры, стремясь къ осуществленію своего личнаго счастья, построеннаго на эгоистическихъ началахъ, а не на высокихъ идеалахъ, въ концѣ концовъ испытывали разочарованія и страданія. У того же Скупого рыцаря цѣлая драма происходитъ въ душѣ, при воспоминаніи о вдовѣ, стоявшей съ тремя дѣтьми полдня подъ окномъ барона и просившей милости; при мысли о сынѣ, который растратитъ его богатства, наконецъ, при мысли о совѣсти, этомъ когтистомъ звѣрѣ, который скребетъ его сердце. Послѣдняя заключительная сцена, гдѣ сынъ принимаетъ вызовъ отца, наполняетъ черствую душу барона невыразимыми страданіями, отъ которыхъ онъ тутъ же во дворцѣ герцога умираетъ. Премудрый Соломонъ, царь еврейскій, испытывавшій, какъ онъ свидѣтельствуетъ въ своемъ Екклезіастѣ, всѣ удовольствія жизни, въ концѣ концовъ приходитъ къ грустному выводу, что все это „суета и томленіе духа“. „И возненавидѣлъ я, говоритъ Соломонъ, жизнь, потому что противны стали мнѣ дѣла, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, ибо все— суета и томленіе духа! И возненавидѣлъ я весь трудъ мой, которымъ трудился подъ солнцемъ, потому что долженъ оставить его человѣку, который будетъ послѣ меня. И кто знаетъ: мудрый ли будетъ онъ, или глупый? А онъ будетъ распоряжаться всѣмъ трудомъ моимъ, которымъ я трудился и которымъ показалъ себя мудрымъ подъ солнцемъ. И это—суета! И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься отъ всего труда,

которымъ я трудился подъ солнцемъ,—потому что иной человѣкъ трудится мудро, съ знаніемъ и успѣхомъ, и долженъ отдать все человѣку, не трудившемуся въ томъ, (что составляетъ) какъ бы часть его. И это—суета и зло великое"! Однимъ словомъ, „суета суетъ, сказалъ Екклезіастъ, суета суетъ и все суета" (Еккл. 2, 17—21; 1, 2).

Итакъ въ чемъ же прочное счастье? А сообразно съ этимъ также, гдѣ искать смысла человѣческой жизни?

Извѣстный французскій ученый, химикъ Бертло говорилъ: „одно, въ чемъ мы никогда не раскаиваемся,—это въ сдѣланныхъ услугахъ", т. е. иначе говоря, въ оказанномъ кому-либо добрѣ. Понятіе добра относится къ категоріи воли. Доставляетъ также счастье удовлетвореніе запросовъ ума, а также эстетическихъ потребностей или красоты, особенно духовной красоты, составляющей содержаніе искусствъ, а между ними самаго тонкаго, самаго возвышеннаго—это музыки. Содержаніе искусствъ относится уже къ третьей категоріи, а именно чувствъ. Итакъ удовлетвореніе запросовъ души, въ частности основныхъ ея свойствъ: ума, воли и чувства можетъ дать человѣку подлинное счастье. А потому и смыслъ жизни человѣка можно усматривать въ стремленіи постигнуть истину, добро и красоту.

Но запросы ума, воли и чувства, стремленіе къ истинѣ, добру и красотѣ требуютъ для своего удовлетворенія и осуществленія цѣлой вѣчности. За кратковременную земную жизнь достигнуть удовлетворенія ихъ невозможно. Это происходитъ отъ того, что чѣмъ больше человѣкъ углубляется въ умственную дѣятельность, или волевую, или эстетическую, чѣмъ сильнѣе онъ стремится постигнуть истину, осуществить въ жизни своей добро, овладѣть красотою во всемъ ея идеалѣ, тѣмъ онъ сильнѣе и сильнѣе узнаетъ и убѣждается, насколько онъ далекъ отъ идеала истины, добра и красоты. Возьмемъ въ примѣръ Сократа. Какъ извѣстно, онъ говорилъ, что „онъ знаетъ только одно то, что ничего не знаетъ". Эти слова Сократа ничуть не свидѣтельствуютъ намъ о невѣжествѣ Сократа, такъ какъ намъ извѣстно, что Сократъ былъ самымъ образованнымъ изъ современныхъ ему аѳинянъ. Выраженіе Сократа показываетъ только, что онъ стоялъ выше сво-

ихъ современниковъ, что онъ находился на относительной вершинѣ знанія, тогда какъ большинство людей едва касается подошвы знанія. Когда человѣкъ выходитъ на гору, то при постепенномъ подъемѣ онъ замѣчаетъ, какъ мало-по-малу расширяется предъ нимъ горизонтъ, и ему открываются невѣдомыя дотолѣ дали. Тоже происходитъ и въ области духовной. Возьмемъ область ума. Чѣмъ больше человѣкъ что-либо изучаетъ, тѣмъ горизонтъ его знаній о предметѣ расширяется. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видитъ также, какъ все больше и больше увеличивается площадь неузнаннаго, неизслѣдованнаго. Правъ поэтому въ своемъ сужденіи опять-таки тотъ же Соломонъ, говорящій: „преимущество мудрости предъ глупостью такое же, какъ преимущество свѣта предъ тьмою: у мудраго глаза его—въ головѣ его, а глупый ходитъ во тьмѣ; но узналъ я, что одна участь постигаетъ ихъ всѣхъ. И сказалъ я въ сердцѣ моемъ: и меня постигнетъ та же участь, какъ и глупаго; въ грядущіе дни все будетъ забыто, и увы! мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ“ (Еккл. 2, 13—16). Если бы не имѣть въ виду вѣчности, то, конечно, нужно было бы считать болѣе счастливыми людьми необразованныхъ и глупыхъ. У невѣрующаго въ вѣчность Фауста это состояніе человѣка, положившаго всю жизнь и всѣ силы на изученіе силъ природы, на развитіе своего ума, выражается воплемъ отчаянія и желаніемъ покончить съ собою, когда онъ увидалъ, что близится конецъ жизни, могила, за которой онъ не видѣлъ ничего, а вмѣстѣ съ тѣмъ не достигъ идеала познанія, къ которому онъ стремился всю жизнь. Онъ бросается тогда въ другую сторону: на удовлетвореніе другой основной способности души — чувства, но и здѣсь, въ концѣ концовъ, остается одна горечь и разочарованіе, ибо одной земной жизни не достаточно для удовлетворенія этихъ запросовъ. „Насыщусь, когда явлюсь къ славѣ Твоей“, говоритъ царь и псалмопѣвецъ Давидъ, обращаясь въ молитвѣ своей къ Богу (Псал. 16, 15). Далѣе, подвижники, святые люди, которые всю жизнь стремятся къ нравственному совершенству, къ святости, съ искренними и горькими слезами, къ удивленію простыхъ смертныхъ людей, съ рядовою обыкновенною нравственностью,

оплакиваютъ свое несовершенство, каются въ своихъ недостаткахъ и грѣхахъ. Задачей своей жизни они поставили обузданіе и укрѣпленіе своей воли. Но, увы, они сами заявляютъ о томъ, что этого идеала они не достигли и чистосердечно сознаются въ своихъ человѣческихъ слабостяхъ. Но что означаютъ ихъ слезы, какъ не то, что они стоятъ выше на нравственномъ уровнѣ, чѣмъ другіе люди? Они все таки стоятъ на вершинѣ, доступной въ условіяхъ земной жизни человѣческой нравственности, въ то время какъ другіе люди стоятъ лишь у подошвы этой возвышенности. Вотъ почему подвижники шире видятъ горизонты нравственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идеалъ ея уходитъ все дальше и дальше. Благодаря сопоставленію идеала нравственности и широкихъ горизонтовъ ея съ дѣйствительнымъ достиженіемъ ея, у святыхъ подвижниковъ является неудовлетворенность, а также искреннія слезы сожалѣнія о своихъ недостаткахъ. Въ то время, какъ мы, обыкновенные люди, не замѣчаемъ въ себѣ крупныхъ грѣховъ и недостатковъ, святые видятъ въ себѣ маленькія нравственныя соринки и плачутъ о существованіи ихъ въ душѣ ихъ горькими слезами. Такимъ образомъ, и для святыхъ, чтобы они могли достигнуть осуществленія своихъ идеаловъ въ области волевой дѣятельности, нужна вѣчность, а одного только земного существованія недостаточно.

Нужно ли говорить еще о писателяхъ, поэтахъ, художникахъ, композиторахъ и т. п. лицахъ, работающихъ въ области эстетики и чувства? Фактъ общеизвѣстный, что всѣ они томятся по идеалу. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что всякій поэтъ, художникъ и композиторъ послѣ окончанія творчества одной вещи переходитъ къ созданію новыхъ произведеній. Какъ бы ни любилъ поэтъ, художникъ и композиторъ свой замыселъ и создаваемое имъ произведеніе, какъ бы онъ ни увлекался имъ, по окончаніи творчества они забываютъ его и, чувствуя, что идеалъ красоты ими не достигнутъ, переходятъ къ созданію какого-либо новаго произведенія. Нашъ поэтъ Лермонтовъ образно выразилъ эту мысль въ стихѣ: „Звуковъ небесъ замѣнить не могли ей (т.-е. душѣ) скучныя пѣсни земли“. Въ стихѣ Лермонтова содержится какъ бы

отзвукъ Платоновской философіи объ идеяхъ. Каждой земной вещи соотвѣтствуетъ на небѣ ея первообразъ, идеалъ, первоидея, или идеальное осуществленіе земныхъ твореній. По ученію Платона, души предсуществуютъ. Они видятъ эти первообразы до своего воплощенія на землѣ. Имъ извѣстны первообразы формъ, красокъ и звуковъ, предъ которыми земныя созданія блѣдны и несовершенны. Вотъ въ этомъ смыслѣ Лермонтовъ, беря одну только звуковую область, и восклицаетъ: „И звуковъ небесъ замѣнить не могли ей скучныя пѣсни земли“, т.-е. душа томится по небесному идеалу и не удовлетворяется земною красотой. Такимъ образомъ, и въ этой области, области чувства, нужна вѣчность для постиженія идеаловъ красоты.

Но, можетъ быть, всѣ эти запросы ума, воли и чувства, истины, добра и красоты не составляютъ всеобщаго явленія въ человѣчествѣ, а являются достояніемъ только людей интеллигентныхъ? Однимъ словомъ, можно ли думать, что запросами ума, воли и чувства исчерпывается вся духовная жизнь человѣка и всѣ ея лучшія стремленія? А главное, для всѣхъ ли людей потребности и стремленія къ истинѣ, добру и красотѣ составляютъ существенное и насущное содержаніе жизни, или это только есть достояніе избранныхъ лицъ?

Запросы ума, воли и чувства, или иначе истины или правды, добра и красоты составляютъ общечеловѣческое достояніе. Они представляютъ основной фундаментъ духовной жизни человѣческой. Они не являются чѣмъ-то мимолетнымъ и праздднымъ, или какою-то роскошью, нужной для нѣкоторыхъ лицъ только, наоборотъ, они составляютъ нѣчто самое существенное и важное въ человѣческой природѣ. Когда въ исторіи человѣчества, или отдѣльныхъ народовъ, или даже въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка затрагиваются эти вопросы, то они поддерживаются всѣми силами души. Интересы истины, добра и красоты, затронутые въ жизни народовъ, бываютъ возбудителями событій, они волнуютъ все человѣчество.

Вспомните, съ какимъ интересомъ отнеслось и образованное и необразованное общество къ послѣднимъ открытіямъ въ области научнаго знанія, напр., хотя бы

въ области воздухоплаванія! Въ Германіи полетъ дирижаблей сопровождался колокольнымъ трезвономъ, какъ у насъ на Пасху. Въ Россіи на первыя состязанія аэронавтовъ стекались десятки тысячъ простого народа. Такимъ образомъ, завоеванія человѣчества въ области ума одинаково волнуютъ и образованныхъ, и необразованныхъ, и вторыхъ даже едва ли не болѣе, чѣмъ первыхъ. Однимъ словомъ, интересы ума, научнаго знанія составляютъ общечеловѣческое достояніе. Научныя открытія затрагиваютъ все человѣчество.

Точно также запросы справедливости одинаково волнуютъ все человѣчество, какъ и научныя открытія. Когда, напр., лѣтъ 11—12 тому назадъ происходила война между двумя государствами: огромной имперіей, какова Англія, и маленькимъ государствомъ, въ родѣ нынѣшней Черногоріи, бурской республикой, то все человѣчество отвѣтило негодованіемъ при видѣ той несправедливости и насилія, которыя произведены были сильными англичанами надъ слабыми бурами, которые до того времени жили тихо и мирно, никого не трогали и о существованіи которыхъ, до нападенія на нихъ англичанъ, никто почти и не зналъ. Человѣчество волновалось потому, что былъ поставленъ, такъ сказать, на карту вопросъ, чему быть и торжествовать на землѣ— правдѣ или неправдѣ, справедливости или насилію. Повсюду устраивались въ пользу буровъ манифестаціи, дѣлались сборы на подношенія ихъ предводителю Кронье и т. п. Происходило это не только среди народовъ, родственныхъ бурамъ, но и у насъ въ Россіи. Наши собственныя дѣла, связанныя съ возстаніемъ боксеровъ въ Китаѣ, и надвигавшіяся осложненія на Дальнемъ Востокѣ насъ интересовали меньше, чѣмъ англо-бурская война... Теперь, хотя Черногорія и ближе къ намъ по всему: и по вѣрѣ, и по крови и языку, но она меньше возбуждаетъ въ насъ сочувствія, чѣмъ тогда буры. Для послѣднихъ въ одномъ только Петербургѣ была собрана сумма около 40.000 р. Причина этого явленія заключалась, несомнѣнно, въ томъ, что тутъ ребромъ былъ поставленъ вопросъ, чему торжествовать, правдѣ или неправдѣ, справедливости или насилію. Поэтому-то всѣмъ хотѣлось помочь слабымъ бурамъ, чтобы сохранить въ своемъ сознаніи идею торжества правды.

Но не только событія мірового и историческаго характера волнуютъ общество, когда онѣ касаются категоріи истины, но и всякая вообще совершонная несправедливость возбуждаетъ умы людей, если они слышатъ о нарушеніи правды; у нихъ является желаніе возмездія, возстановленія нарушенной гармоніи, и это даже въ томъ случаѣ, если и сами негодующіе далеко не всегда отличаются справедливостью. Но дѣло въ томъ, что исканіе истины и справедливости *прирождено* человѣку и составляетъ одинъ изъ трехъ фундаментальныхъ столбовъ, на которыхъ зиждется его духовная жизнь.

Идеалы волевой дѣятельности человѣка не менѣе интересуютъ и волнуютъ людей, чѣмъ и запросы умственные. Мораль составляетъ также могучій двигатель въ человѣчествѣ. И опять таки интересъ къ явленіямъ моральнаго порядка составляетъ достояніе не однихъ только единицъ, но явленіе общечеловѣческое. Посмотрите, какъ народъ относится къ лицамъ, оказавшимъ подвиги, будь то герои войны, или герои мирной, волевой дѣятельности: подвижники и святые. Тріумфаторы привлекаютъ къ себѣ толпы, имъ ставятъ памятники, имена ихъ чтятся изъ рода въ родъ, они составляютъ предметъ восхищенія и подражанія. То же самое отношеніе мы видимъ и къ святымъ подвижникамъ. Къ нимъ также идутъ тысячи людей, прося у нихъ благословенія, молитвъ, иные желая только видѣть ихъ. И это явленіе продолжается не только въ теченіи ихъ земной жизни, но и послѣ ихъ смерти. Въ честь ихъ воздвигаются храмы, алтари и иконы, гробницы ихъ украшаются серебромъ и драгоцѣнностями.

Все это не говоритъ ли за то, что область волевой дѣятельности пользуется у человѣчества не меньшимъ, если не большимъ почетомъ, чѣмъ и умственная сфера, сфера научнаго исканія истины, сфера открытій, изобрѣтеній, а также правды и справедливости внѣшней?

Въ области волевой, какъ и въ предыдущей, умственной, пользуются почетомъ не только видные, историческіе герои. Нѣтъ, обыденное проявленіе силы воли также приковываетъ къ себѣ вниманіе и возбуждаетъ тоже чувство благоговѣнія и удивленія. Разница бываетъ только въ масштабѣ и величинѣ круга, гдѣ замѣчено то или другое проявленіе воли. Спасшій утопающаго

или вынувшій дѣтей живыми изъ огня во время пожара, можетъ быть, бываетъ извѣстенъ меньшему кругу лицъ, чѣмъ какой-либо святой или герой войны, но суть дѣла остается одна и та же. Такія проявленія волевой дѣятельности приковываютъ къ себѣ вниманіе большаго или меньшаго круга лицъ.

Эстетическое чувство, или чувство красоты также представляетъ огромную силу, способную двигать массы. Красоты человѣческаго организма, красоты природы, художества, красоты души,—все это влечетъ къ себѣ человѣчество неудержимо. Опять и въ области чувства и красоты нельзя думать, чтобы она была доступна и интересна только людямъ съ повышенной духовной воспріимчивостью. Нѣтъ, красоту могутъ чувствовать всѣ. Если не всякій простолюдинъ способенъ наслаждаться красотами какой-либо симфоніи также сознательно, какъ какой-либо интеллигентный человѣкъ, то это еще не значитъ, что онъ не чувствуетъ ихъ. Онъ ихъ чувствуетъ, но не способенъ выразить и передать свои чувства. Сдѣлайте его интеллигентнымъ, и онъ ни въ чемъ не уступитъ въ воспріимчивости такой тонкой красоты, какъ музыка. Съ другой стороны, наоборотъ, часто случается, что человѣкъ, въ совершенствѣ изучившій музыку, теряетъ способность непосредственнаго восхищенія ея красотами, и музыкантъ, знающій, какъ построена пьеса, какъ достигаются въ ней тѣ или другіе эффекты, относится къ ней съ холодной разсудочностью. Съ другой стороны, человѣкъ малоинтеллигентный часто не имѣетъ и матеріальныхъ средствъ, чтобы отдаться наслажденіямъ красоты. Но тѣмъ не менѣе можно утверждать, что обаяніе красоты присуще всему человѣчеству. Въ особенности это замѣчается тамъ, гдѣ всѣ люди поставлены въ одинаковыя условія. Это можно сказать, напр., про восхищеніе природой. Оно одинаково доступно и одинаково чувствуется и богатыми и бѣдными, интеллигентными и неинтеллигентными: свѣтлое солнце, его тепло, ароматный воздухъ лѣтняго вечера или утра, запахъ сѣна, благоуханіе лѣсовъ, въ особенности послѣ дождя или грозы (не говоримъ уже о горахъ, о красивыхъ очертаніяхъ озеръ и морей, звѣздномъ небѣ),—все это доступно всѣмъ людямъ; красотой, созданной Богомъ, могутъ всѣ насла-

ждаться, и природа въ данномъ случаѣ можетъ явиться даже учительницей изящнаго, вдохновительницей поэзіи и эстетики.

Однимъ словомъ, чувство прекраснаго доступно всѣмъ людямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и необходимо имъ, какъ воздухъ. Присутствіе впечатлѣній прекраснаго вліяетъ на психику человѣка. Это замѣтно, если сравнить жителей хмураго и однообразнаго сѣвера съ обитателями богатаго и красками и красотою юга.

Между тѣмъ, какъ мы видѣли, идеалы истины, добра и красоты въ областяхъ ума, воли и чувства недостижимы при условіяхъ временнаго, земнаго существованія. Можно ли думать, что они совершенно недостижимы для человѣчества?

Думать такъ, значило бы считать человѣка хуже всякой полевой былинки, потому что она получаетъ все необходимое своимъ запросамъ, какъ то: почву, влагу, воздухъ, тепло, свѣтъ и проч. Между тѣмъ человѣкъ, который горделиво считаетъ себя вѣнцомъ творенія, не получалъ бы осуществленія своимъ самымъ прекраснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ дорогимъ для него запросамъ ума, воли и чувства: истины или правды, добра и красоты. Предположить это значило бы обезсмыслить существованіе человѣка, сдѣлать его существованіе на землѣ менѣе необходимымъ, чѣмъ любая былинка, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить человѣка существомъ болѣе жалкимъ, чѣмъ даже трава. Такого предположенія не допускаетъ ни логика, ни здравый разсудокъ.

Но съ другой стороны осуществленія идеаловъ ума, воли и чувства, истины, добра и красоты нельзя ожидать въ теченіе кратковременной земной жизни; нужна, какъ видно, цѣлая вѣчность, чтобы удовлетворить основные запросы человѣческой души,—въ теченіе земной жизни ихъ не обнять.

Если такъ, если нужна вѣчность для достиженія основныхъ запросовъ человѣческаго духа, то ясно, что и рѣшеніе самого вопроса о томъ, какой смыслъ имѣетъ наша жизнь, мы найдемъ въ той религіи, которая говоритъ намъ о вѣчности, т.-е. въ религіи богооткровенной, христіанской. Только она приподнимаетъ завѣсу надъ этимъ таинственнымъ вопросомъ.

Такимъ образомъ только христіанство указываетъ намъ смыслъ жизни.

Нѣкоторые древніе философы также рѣшали вопросъ о цѣли и смыслѣ нашего существованія, и рѣшеніе ихъ иногда приближалось даже къ христіанскому. Такъ, напр., эпикурейцы ставили идеаломъ жизни блаженство, а стоики мужество и терпѣніе въ перенесеніи несчастій. И тотъ и другой идеалъ ставится людямъ и въ христіанствѣ. Но древніе языческіе философы не имѣли яснаго представленія о загробной жизни. Простые, необразованные язычники печально смотрѣли на загробную жизнь. Одинъ изъ героевъ Троянской войны, удостоенный быть царемъ въ царствѣ тѣней (Ахиллесъ), съ плачемъ говорилъ Одиссею, сошедшему въ царство тѣней, что онъ лучше желалъ бы быть послѣднимъ пастухомъ на землѣ, чѣмъ быть властелиномъ въ царствѣ тѣней. Въ этомъ отношеніи и языческимъ философамъ оставалось или слѣдовать за миѳами, которымъ они, однако, не вѣрили, или создать какое-либо свое ученіе. Но отрицая первое, какъ сказку, они не создали второго. Вопросъ о значеніи смерти и загробной жизни они оставили открытымъ, а нѣкоторые, какъ, напр., стоики, прямо отрицали ее, рекомендуя оканчивать жизнь самоубійствомъ, дабы избѣжать страданій старости. Какой-нибудь богатый римлянинъ-стоикъ, чувствуя пресыщеніе жизнью, или испытывая въ жизни разочарованіе, приглашалъ къ себѣ друзей и знакомыхъ, садился въ теплую ванну, открывалъ себѣ вены и въ бесѣдѣ, истекая кровью, постепенно умиралъ и, такимъ образомъ, разставался съ жизнью и со своими друзьями.

Итакъ, языческіе философы, кромѣ Сократа и Платона, ограничивали человѣческое существованіе только землею и не касались вопроса о вѣчности. Но и Платонъ, ученикъ Сократа, говорилъ только объ идеальномъ загробномъ существованіи, т.-е. возвращеніи всего существующаго къ міру идей. Такимъ образомъ и здѣсь, въ философіи Платона, проповѣдывалось только безличное, безсознательное безсмертіе, близкое къ нирванѣ буддистовъ, или пантеизму Спинозы.

Но если Сократъ и Платонъ все-таки кое-что говорили о загробномъ мірѣ, мірѣ идей, то, увы, эпикурейцы и стоики ограничивали жизнь человѣческую

только земнымъ существованіемъ. Вотъ почему довольно высокіе идеалы стоицизма и эпикуреизма въ скоромъ времени выродились. Эпикуръ самъ проводилъ очень строгую жизнь: обиталъ въ бѣдной хижинѣ, довольствовался самымъ скромнымъ столомъ, полагая блага жизни въ духовныхъ наслажденіяхъ. Но его послѣдователи, лишенные въ своемъ сознаніи вѣчнаго идеала, поспѣшили замѣнить Эпикуровскій смыслъ жизни другимъ, болѣе для всѣхъ понятнымъ въ условіяхъ земнаго существованія. Этотъ идеалъ эпикурейцевъ, современниковъ разцвѣта ихъ школы, св. апостолъ Павелъ формулируетъ фразой—„станемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ“ (1 Кор. 15, 32). Такимъ образомъ, эпикурейцы погрязли въ чувственности, а стоики, какъ мы видѣли, учили оканчивать жизнь самоубійствомъ.

Однако, чувственный идеалъ эпикурейцевъ удовлетворялъ далеко не всѣхъ даже тѣхъ, которые съ симпатіей относились къ основателю эпикурейской школы; стоическое терпѣніе, воспитывавшее равнодушіе и восхвалявшее, наконецъ, самоубійство, было далеко не всѣмъ по душѣ; расплывчатость и неопредѣленность идеаловъ Платона, при всемъ уваженіи къ личности ея основателя, не приносили удовлетворенія человѣчеству древняго міра. Не видя просвѣта, люди впадали въ отчаяніе. Сатирикъ и писатель 1-го вѣка христіанской эры, современникъ апостоловъ христіанства, Ювеналъ свидѣтельствуетъ объ этомъ ужасномъ состояніи мыслящихъ людей въ древне-языческомъ мірѣ. „Люди, говоритъ онъ, валялись по землѣ, стеня и называя себя проклятыми отъ боговъ“.

Къ такому состоянію привела человѣчество языческая философія, не указывавшая потусторонняго, вѣчнаго идеала. Христіанство говоритъ намъ, что будетъ вѣчная жизнь, что смерть есть только временное разлученіе души съ тѣломъ, что смерть тѣла есть только успеніе, или временный сонъ до момента всеобщаго воскресенія. Христіанство говоритъ, что душа, однако, и послѣ разлученія съ тѣломъ, продолжаетъ жить сознательной жизнью; что, вслѣдствіе этого, она можетъ предвкушать и блаженства и страданія. Тѣ, такимъ образомъ, которые въ теченіе этой жизни пріобрѣтутъ навыки къ высшимъ запросамъ человѣческаго суще-

ствованія, запросамъ ума, воли и чувства, истины, добра и красоты, тѣ во время отдѣльной отъ тѣла жизни души, т.-е. до всеобщаго воскресенія, будутъ испытывать блаженство, хотя и не полное. Воспитавши въ себѣ навыки къ этимъ высшимъ запросамъ, они начнутъ находить въ загробномъ мірѣ удовлетвореніе своей жаждѣ истины, добра и красоты.

Сознательная жизнь души послѣ разлученія съ тѣломъ предполагаетъ и возможность общенія душъ между собою въ загробномъ мірѣ. Изъ притчи Іисуса Христа о богатомъ и Лазарѣ мы видимъ, что богачъ бесѣдуетъ съ Авраамомъ. Отсюда открываются широкія перспективы для постиженія въ загробной жизни запросовъ ума, воли и чувства. Общеніе душъ между собою можетъ расширять горизонты знанія каждой новой души, вступившей въ сонмъ небожителей, можетъ получать импульсы для укрѣпленія своей воли и, наконецъ, общеніе съ высшими духами можетъ способствовать возникновенію въ душѣ человѣка и лучшихъ чувствъ. Но, конечно, такое общеніе душъ не приводитъ еще къ полному блаженству, которое можетъ наступить только тогда, когда душа и тѣло въ человѣкѣ вновь объединятся, и тѣло получитъ высшую, болѣе совершенную форму для своего существованія.

Теперь мы имѣемъ тѣло чувственное, грубо матеріальное, но оно должно переродиться въ новое тѣло, тѣло духовное. Послѣ своей смерти тѣло находится въ землѣ, подвергается неизвѣстнымъ для насъ химическимъ процессамъ разложенія, но это состояніе тѣла должно привести его къ высшей формѣ существованія: изъ чувственнаго тѣла должно возродиться тѣло духовное. Слово Божіе объясняетъ намъ это явленіе чрезъ сравненіе нашего тѣла съ сѣменемъ. Сѣмя, брошенное въ землю, чтобы произвести ростокъ, должно въ землѣ разложиться, ибо иначе не будетъ и самаго ростка; затѣмъ, сѣмя очень часто бываетъ некрасивой формы, а между тѣмъ изъ него произрастаетъ нѣчто лучшее и болѣе совершенное—нѣжнѣйшее растеніе, а изъ него полный прелести цвѣтокъ. Такъ точно, по ученію Слова Божія, и изъ нашего нынѣшняго земнаго и грубаго тѣла должно произойти новое тѣло, тѣло духовное. „Сѣется тѣло душевное, открываетъ намъ Слово Божіе, возстаетъ тѣло духовное“ (1 Кор. 15, 44). Однако каж-

дому сѣмени свое тѣло и для каждаго тѣла существуетъ свое сѣмя. Такъ будетъ при воскресеніи мертвыхъ и со всѣмъ человѣчествомъ.

Какъ изъ каждаго сѣмени произрастаетъ соотвѣтствующее растеніе, а также свойственные ему цвѣты и плоды, такъ и изъ земнаго тѣла человѣческаго произойдутъ различнаго рода тѣла духовныя. Какъ на небѣ различаются звѣзды по степени своей яркости, какъ отличается по силѣ свѣта солнце отъ луны, такъ, открываетъ намъ Слово Божіе, будетъ и при воскресеніи мертвыхъ. Тѣла духовныя получатся разнаго достоинства (1 Коре. XV, 41—42).

Отъ чего же это будетъ зависѣть? Во всемъ мірѣ господствуетъ одинъ законъ, одна воля Бога. Она осуществляется одинаково и въ мірѣ физическомъ, грубо матеріальномъ, и въ высшихъ формахъ существованія. Іисусъ Христосъ спрашивалъ: „собираютъ ли съ терновника виноградъ, или съ репейника смоквы“ (Мѳ. 7, 16)? Отвѣтъ отрицательный ясенъ. То же самое должно происходить и съ тѣлами человѣческими при воскресеніи. Въ силу связи души съ тѣломъ, на послѣднемъ отражаются всѣ перипетіи душевной жизни, и съ этой стороны тѣло наше является какъ бы записной книжкой нашей жизни. Тѣло человѣка, проведшаго всю жизнь порочно, и, такъ сказать, пропитавшаго его пороками, будетъ отличаться отъ тѣла человѣка, проведшаго жизнь праведно. Тѣло послѣдняго было какъ бы храмомъ для души, которая стремилась всю жизнь къ осуществленію идеаловъ истины, добра и красоты. При воскресеніи первое тѣло, хотя и сдѣлается безсмертнымъ, но будетъ менѣе тонкимъ, менѣе одухотвореннымъ; оно будетъ болѣе дебелымъ и грубымъ, чѣмъ тѣло, въ которомъ обитала чистая душа. Поэтому послѣднее получитъ доступъ въ высшія небесныя сферы, къ лучшимъ и совершеннѣйшимъ формамъ существованія, а первое будетъ ограничено въ этомъ, и это ограниченіе будетъ однимъ изъ источниковъ страданія для тѣхъ, кому это тѣло будетъ принадлежать. Однимъ словомъ, „праведники просвѣтятся, какъ солнце, въ царствѣ Отца небеснаго“, говоритъ Евангеліе (Мѳ. 13, 43). „Одна слава солнцу, а другая лунѣ, говоритъ апостолъ,

иная слава звѣздамъ, да и звѣзда различается по славѣ, такъ будетъ и при воскресеніи мертвыхъ".

Вотъ почему важно въ теченіе земной жизни пріучать душу къ тонкимъ моральнымъ эмоціямъ, стремиться удовлетворять запросы ея и стремленія къ истинѣ, или правдѣ, добру и красотѣ. Въ силу связи души съ тѣломъ, эти тонкія переживанія духа отразятся и на тѣлѣ. Они будутъ способствовать его тонкости и одухотворенности. Наоборотъ порочная жизнь накладываетъ свою печать на душу человѣка, а въ силу связи души съ тѣломъ отражается и на тѣлѣ человѣка. Въ настоящее время существуютъ приборы, записывающіе графически дыханіе, біеніе сердца. Когда человѣкъ первый разъ лжетъ, то сердце у него дѣлаетъ неправильные ритмическіе удары. Отъ стыда оно начинаетъ неправильно биться. Если бы можно было записать это біеніе сердца графически, то получилась бы неправильная кривая.

Древніе говорили, что „лицо есть (какъ бы) зеркало души". Злые поступки образуютъ на лицѣ особыя складки. Эту мысль, что на лицѣ отпечатываются всѣ наши мысли и поступки прекрасно изобразилъ англійскій писатель Оскаръ Уайльдъ въ своемъ сочиненіи „Портретъ Доріана Грея". Доріанъ Грей, извѣстный красавецъ, получилъ отъ своего друга, художника, прекрасный портретъ, точную копію самого себя. Но вотъ Грей начинаетъ увлекаться жизнью и падаетъ все ниже и ниже. Каждый разъ, совершивши какой-либо дурной поступокъ, Грей замѣчаетъ, что на его портретѣ появляются черты, которыя безобразятъ красоту его лица. Чѣмъ ниже онъ падаетъ, тѣмъ этихъ черточекъ появляется больше и больше. Наконецъ, Грей уже не можетъ смотрѣть равнодушно на свой когда-то красивый портретъ, и онъ его прячетъ въ мезонинъ своего дома, закрываетъ его занавѣсью, чтобы какъ-нибудь случайно не увидать своего изображенія. Но, наконецъ, Грей доходитъ до послѣдней точки своего паденія: онъ убиваетъ въ своемъ домѣ своего гостя и друга Бэзиля Холлуорда, нарисовавшаго его портретъ. Преступленіе это было скрыто, но за то, когда Доріанъ посмотрѣлъ на свой портретъ, то онъ увидалъ въ немъ такое безобразіе и такую злость, что, не отдавая себѣ

отчета, онъ схватилъ ножъ и хотѣлъ пронзить имъ свой портретъ, но попалъ вмѣсто портрета ножомъ въ свое сердце и убилъ себя. Утромъ, когда слуги вошли въ его комнату, то „увидѣли на стѣнѣ великолѣпный портретъ своего господина, изображавшій его такимъ, какимъ они видѣли его въ послѣдній разъ во всемъ сіяніи его дивной юности и красоты. А на полу, въ парадномъ туалетѣ лежалъ мертвый человѣкъ съ ножомъ въ сердцѣ, съ уродливымъ, увядшимъ, морщинистымъ лицомъ. И только по кольцамъ на его рукахъ слуги узнали, кто это былъ".

Мысль этого разсказа весьма понятна. Доріанъ Грей видѣлъ въ портретѣ отраженіе тѣхъ перемѣнъ, которыя происходили въ немъ самомъ, вслѣдствіе его постепенныхъ нравственныхъ паденій. Его глаза какъ-бы отражали его духовный міръ, въ силу связи души съ тѣломъ, и эти отраженія переносились на полотно картины, фиксировались на ней, подобно тому, какъ это дѣлаетъ фотографическая камеръ-обскура. Лица грѣшниковъ, такимъ образомъ, постепенно омрачаются, въ то время, какъ лица святыхъ сіяютъ ангельской чистотой.

Мы сказали уже, что въ жизни будущаго вѣка тѣла у людей будутъ духовными. „Сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное". Слово Божіе, такимъ образомъ, расширяетъ нашъ кругозоръ о тѣлахъ физическихъ, указывая намъ еще на особый рядъ тѣлъ духовныхъ.

Что же такое это тѣло духовное? Какое мы имѣемъ о немъ понятіе?

Тѣло духовное это то тѣло, которое имѣлъ Іисусъ Христосъ послѣ Своего воскресенія.

Какое же это тѣло и какими оно обладаетъ свойствами?

1) Это есть подлинно тѣло, а не призракъ, или привидѣніе, или духъ. Когда Іисусъ Христосъ явился ученикамъ Своимъ послѣ Своего воскресенія, то они „смутились и испугались, думая, что видятъ духа, но Онъ сказалъ имъ: „что смущаетесь и для чего такія мысли входятъ въ сердца ваши"? посмотрите на руки Мои и ноги Мои" (онѣ имѣли язвы отъ гвоздей); это—Я Самъ; осяжите Меня и разсмотрите, ибо духъ плоти и костей не имѣетъ, какъ видите у Меня" (Лк. 24, 37—39).

2) Тѣло духовное не будетъ нуждаться въ пищѣ, хотя будетъ способно принимать пищу. Такъ, во время того же явленія ученикамъ, Іисусъ Христосъ, желая ихъ еще болѣе удостовѣрить, что Онъ не привидѣніе и не призракъ, спросилъ ихъ: „Есть ли у васъ здѣсь какая пища“? „Они подали Ему часть печеной рыбы и сотоваго меда“. (Мѳ. 24, 41—42). И Онъ ѣлъ предъ ними.

3) Въ тѣлѣ духовномъ молекулы его будутъ отличаться подвижностью, такъ что внѣшній видъ человѣка легко можетъ измѣняться. Если и въ нынѣшнемъ грубомъ тѣлѣ такія измѣненія легко производятся подъ вліяніемъ, напр., чувствъ гнѣва, радости, покоя или горя, то въ тѣлѣ духовномъ такія перемѣны будутъ производиться съ еще большей легкостью. Вотъ почему мы видимъ въ Евангеліи указаніе на то, что Іисусъ Христосъ иногда являлся ученикамъ Своимъ „въ иномъ образѣ“ (Мрк. 16, 12), и ученики, шедшіе въ Еммаусъ, прошли съ Нимъ почти всю дорогу на разстояніи 60-ти стадій, не узнавая Его, узнали же Его только за вечерней трапезой по обычному Его жесту, который Онъ употреблялъ при благословеніи и преломленіи хлѣба. (Лк. 24, 30). Точно такъ же не узнали ученики Іисуса Христа и во время явленія Его имъ на морѣ Тиверіадскомъ и признали Его только по тому, что Онъ совершилъ чудо, аналогичное тому, которое было совершено Имъ при призваніи учениковъ, т.-е. былъ совершенъ чудесный уловъ рыбы, а на берегу, кромѣ того, оказались чудеснымъ образомъ разведенный костеръ и на немъ испеченная рыба, которой до того не было ни у кого изъ рыбаковъ, трудившихся всю ночь (Іоан. 21, 4—9).

4) Тѣло духовное можетъ проходить чрезъ препятствія. Такъ, Господь Іисусъ Христосъ являлся ученикамъ Своимъ при закрытыхъ дверяхъ. Обыкновенное наше теперешнее тѣло не можетъ проходить сквозь препятствія, какъ не можетъ проходить сквозь экраны обыкновенный свѣтъ. Но лучи Рентгена, какъ извѣстно, легко побѣждаютъ препятствія. Тѣло духовное также способно будетъ проникать сквозь малѣйшія поры физическихъ тѣлъ, невидимыя обыкновеннымъ человѣческимъ глазомъ. Такъ Господь Іисусъ Христосъ воскресъ при закрытомъ камнѣ и, не сломавъ даже гробныхъ печатей,

вышелъ оттуда, Ангелъ же явился и отвалилъ камень только для свидѣтельства женамъ Мѵроносицамъ и стражамъ (Іоан. 20. 19; Мѳ. 28, 5—6) *).

5) Тѣло духовное можетъ внезапно появляться и внезапно исчезать. Таковы были нѣкоторыя явленія Іисуса Христа ученикамъ, напр., послѣ явленія въ Еммаусѣ, едва ученики дошли обратно до Іерусалима и разсказали другимъ о томъ, какъ они видѣли Господа на пути и какъ Онъ былъ узнанъ ими при преломленіи хлѣба, какъ вдругъ внезапно и Самъ Господь Іисусъ Христосъ явился имъ, говоря имъ: „миръ вамъ“ (Лк. 24, 35—36). Внезапны также были явленія 11-ти ученикамъ и Ѳомѣ послѣ воскресенія въ 1-ый и 8-ой дни, также внезапны были, повидимому, и исчезновенія Іисуса Христа (Іоан. 20, 19—26).

6) Тѣло духовное, поэтому, не будетъ также связано пространствомъ, какъ обыкновенное тѣло, а можетъ съ легкостью переноситься съ одного разстоянія на другое.

7) Тѣло духовное не будетъ связано законами удѣльнаго вѣса и притяженія къ центру земли. Господь Іисусъ Христосъ вознесся на небеса. Слово Божіе открываетъ намъ, что и мы нѣкогда послѣ своего воскресенія, когда получимъ тѣло духовное, также „восхищены будемъ на облакахъ, въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и такъ (т.-е. въ такомъ положеніи) всегда съ Господомъ будемъ (1 Ѳессал. 4, 15—17). Тогда нашему любопытному взору будетъ открытъ весь міръ. Теперь ученымъ астрономамъ приходится гадать, что представляютъ изъ себя, изъ чего состоятъ разныя планеты, кометы и т. п. небесныя свѣтила, небесныя явленія, въ родѣ сѣвернаго сіянія и т. д.; есть ли на другихъ планетахъ, напр., на Марсѣ, жизнь; есть ли на другихъ планетахъ существа, подобныя намъ, и т. д., и т. д.? Тогда на всѣ эти вопросы мы получимъ отвѣтъ путемъ непосредственнаго наблюденія.

Духъ захватитъ отъ блаженства у современнаго ученаго астронома, или физика, когда они подумаютъ, что наступитъ такое время, когда они непосредственно изслѣдуютъ то, что теперь недоступно ихъ взору и не-

*) „Камени запечатану отъ іудей и воиномъ, стрегущимъ Пречистое Тѣло Твое, воскреслъ еси, тридневный Спасе“, поется въ тропарѣ церковномъ, или: „Запечатану гробу, Животъ отъ гроба возсіялъ еси, Христе Боже“.

посредственному наблюденію. Тогда разрѣшатся также тайны и загадки исторіи и многое другое, что составляетъ теперь и для ученыхъ людей тайну. Со всѣхъ тайнъ тогда будутъ сняты покровы.

Вотъ какія широкія перспективы открываетъ и какой сулитъ переворотъ одно только ученіе въ Откровеніи о тѣлѣ духовномъ! Оно, если угодно, переворачиваетъ научную мысль и многое открываетъ въ тѣхъ вопросахъ, которые кажутся современной эмпирической наукѣ абсурдными.

Современная наука, напр., никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что люди, существа разумныя, обитаютъ на землѣ. „Для чего же существуютъ остальныя планеты и свѣтила, справедливо спрашиваетъ современный ученый, если вы, богословы, полагаете разумную жизнь только на землѣ? Почему не можетъ ея быть на Марсѣ“? И начинаются усердныя попытки отысканія жизни на Марсѣ, ассигнуются огромныя преміи тому, кто установитъ сообщеніе съ предполагаемыми жителями Марса путемъ электрической сигнализаціи и т. п. „Какъ, возмущаются другіе, земля есть ничтожная пылинка вселенной, и вдругъ она является мѣстомъ для обитанія высшихъ, разумно-сознательныхъ существъ, какими являются люди! Это, говорятъ они, средневѣковое представленіе, когда люди думали, что земля есть центръ міра, вокругъ котораго движется солнце и др. свѣтила. При свѣтѣ Откровенія Божія отвѣтъ ясенъ. Пока, до всеобщаго воскресенія, мы живемъ на землѣ, мы привязаны къ ней необходимостью. Если бы Адамъ не согрѣшилъ, то и онъ самъ, и мы, его потомки, давно бы уже имѣли духовныя тѣла и переходили бы въ обладаніе всѣмъ міромъ безъ процесса смерти и разложенія, а, такъ сказать, путемъ постепеннаго созрѣванія для жизни вѣчной и въ предѣлахъ всего видимаго и невидимаго міра. Какъ плоды при созрѣваніи становятся прозрачными и какъ бы болѣе воздушными, менѣе плотными, такъ и наше тѣло созрѣвало бы изъ земного, душевнаго, въ тѣло духовное. Но, благодаря грѣху Адама, мы оземленились, огрубѣли, и принуждены жить на землѣ, а въ вѣчность перейти мы можемъ только путемъ смерти, тогда какъ, не будь грѣха Адама, мы возносились бы въ воздушныя и безвоздушныя простран-

ства такъ, какъ и Христосъ вознесся на небеса. (Въ лицѣ Іисуса Христа мы видимъ прообразъ того, что будетъ и со всѣми вѣрующими въ Него. „Не у явися, что будемъ. Вѣмы же, яко подобни Ему будемъ“, говоритъ Евангелистъ Іоаннъ въ своемъ первомъ посланіи, гл. 3, ст. 2. Вотъ почему вознесеніе Христа у христіанъ есть день радости, а не печали, ибо христіанство видитъ здѣсь окончательное торжество человѣческой природы, побѣждающей всѣ матеріальные законы).

При принятіи этихъ религіозныхъ истинъ становится понятнымъ, почему мы живемъ сейчасъ на землѣ? Съ тѣломъ плотянымъ и грубымъ мы и можемъ сейчасъ жить только на землѣ и ни на какой другой планетѣ. Наше нынѣшнее тѣло не выдержало бы, напр., того давленія, которое существуетъ, хотя бы, на планетѣ Нептунъ, въ силу плотности его массы и др. условій. Насъ сплющило бы тамъ въ комокъ мяса, тогда какъ, наоборотъ, на Венерѣ кровь брызнула бы изо всѣхъ нашихъ поръ фонтанами, по причинѣ слабости давленія воздушнаго столба на этой планетѣ. Нашъ организмъ тамъ такъ же бы погибъ, какъ погибаютъ надутыя воздухомъ резиновыя игрушки, когда изъ нихъ выходитъ воздухъ. Итакъ съ нынѣшнимъ плотянымъ тѣломъ мы можемъ жить только на землѣ, а съ тѣломъ духовнымъ мы въ состояніи будемъ обитать вездѣ.

Послѣ принятія истины о тѣлѣ духовномъ отпадаютъ упреки богословію въ невѣжествѣ и средневѣковьѣ, когда оно полагаетъ, что человѣкъ есть высшее существо среди матеріальныхъ существъ, что послѣ него и выше него начинается жизнь чистыхъ духовъ; являются ненужными также поиски существъ, подобныхъ людямъ на другихъ планетахъ; становится яснымъ и понятнымъ смыслъ и нашего существованія на землѣ, и смыслъ и цѣль существованія другихъ свѣтилъ небесныхъ. *)

---

*) Конечно, существованіе другихъ свѣтилъ нужно для земли и въ силу законовъ мірового тяготѣнія, а также, можетъ быть, и съ неизвѣстныхъ намъ еще сторонъ, напр., возможно, что звѣзды посылаютъ землѣ какія-либо излученія, въ родѣ ультра-фіолетовыхъ, необходимыхъ для поддержанія жизни. Во всякомъ случаѣ, земля если не центръ міра, то во всякомъ случаѣ единственно-возможное, при настоящихъ условіяхъ, пристанище для человѣка.

Свѣтила небесныя существуютъ для насъ же. На землѣ мы являемся обитателями въ силу временной необходимости. Земля, конечно, не центръ міра, какою она представлялась по Птоломеевой системѣ, но единственно-возможное пока, при настоящихъ условіяхъ, мѣсто для обитанія человѣка. Весь міръ созданъ для насъ, и рано или поздно мы вступимъ въ обладаніе имъ, имѣя тѣло духовное. Съ этимъ грубымъ и плотянымъ тѣломъ мы не можемъ жить иначе, какъ только на землѣ.

Такимъ образомъ, идея тѣла духовнаго открываетъ намъ, что другія планеты и свѣтила существуютъ не безцѣльно, что они приготовлены для насъ, что земля есть наше временное обиталище до наступленія новыхъ лучшихъ формъ нашего существованія въ тѣлѣ духовномъ; что поэтому безполезно искать существъ, подобныхъ намъ, на другихъ планетахъ, къ чему, впрочемъ, склоняется и большинство серьезныхъ астрономовъ.

Идея тѣла духовнаго встрѣчается, кажется, на пути и съ современными чаяніями въ области медицины. Такъ работающіе въ лабораторіяхъ Пастера ученые медики, какъ, напр., Мечниковъ видятъ въ кишечникѣ и желудкѣ и толстыхъ кишкахъ главныя пристанища для развитія болѣзнетворныхъ микробовъ. Возможность обходиться безъ этихъ органовъ могла бы, по ихъ мнѣнію, увеличить продолжительность жизни на землѣ. Но идея духовнаго тѣла, открытая въ Словѣ Божіемъ, давно уже, 2000 лѣтъ тому назадъ, предрѣшила эту задачу, показавъ, что живя въ тѣлѣ духовномъ мы не будемъ нуждаться въ употребленіи пищи. Въ томъ же посланіи, въ которомъ апостолъ говоритъ о тѣлѣ духовномъ, онъ возвѣщаетъ также, что „пища для чрева, и чрево для пищи, но (что въ концѣ концовъ) Богъ уничтожитъ и то и другое“, т.-е. сдѣлаетъ ихъ не необходимо нужными въ тѣлѣ духовномъ (1 Кор. 6, 13). *)

---

*) Къ сожалѣнію, Мечниковъ, какъ и другіе нѣкоторые представители матеріальной науки, не обращающіеся къ руководству Слова Божія въ вопросахъ нематеріальнаго характера, каковъ, напр., вопросъ о смыслѣ жизни, и сознаютъ цѣли жизни не выше древнихъ языческихъ философовъ. По Мечникову, ортобіозъ есть

Для идеи всеобщаго мира понятіе о тѣлѣ духовномъ также открываетъ многое. Еще ветхозавѣтный пророкъ Исаія говорилъ, что наступитъ время всеобщаго мира, когда даже волкъ будетъ пастись съ ягненкомъ (Ис. 65. 25). Но наступленіе такого мира возможно исключительно только тогда, когда будетъ новая форма существованія въ тѣлѣ духовномъ. Войны нынѣшняго вѣка ведутся изъ-за обладанія пространствомъ, изъ-за экономическихъ причинъ, но всѣ эти условія исчезнутъ, когда будетъ тѣло духовное, которому будутъ открыты пространства всего міра и которое не будетъ нуждаться въ пищѣ. Животныя, какъ открываетъ намъ Слово Божіе, тоже получатъ новыя высшія формы для своего существованія, когда говоритъ, что „и сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію (т.-е. смерти и разложенію) въ свободу славы дѣтей Божіихъ (Римл. 8, 21). Тогда-то при высшихъ условіяхъ существованія и наступитъ всеобщій миръ, уничтожится сама собой борьба за существованіе и волкъ будетъ пастись съ ягненкомъ.

Съ другой стороны, если бы всѣ люди хорошо

смыслъ человѣческой жизни, т. е. правильно проведенная земная жизнь, приводящая къ естественной, безболѣзненной смерти, къ которой человѣкъ будто бы стремится, какъ къ блаженнѣйшей точкѣ своего существованія. Поверхностность этого идеала, а также и противорѣчія въ теоріи Мечникова хорошо указаны въ статьѣ г. Эльпе— „Сорокъ лѣтъ въ поискахъ за истиной“ („Нов. Время“ 1913 г. № 13338, отъ 1-го мая). Эльпе указываетъ, что когда умираютъ герои или Христосъ умеръ за другихъ, или мученики, умирая, испытывавшіе блаженство, то все это далеко отъ „настоящей жизненной цѣли“, возвѣщенной г. Мечниковымъ. Съ другой стороны, самъ Мечниковъ узналъ о сладкихъ моментахъ смерти отъ спасенныхъ самоубійцъ, утопавшихъ и т. п. лицъ, т. е. умиравшихъ совсѣмъ не той естественной смертью, которую онъ проповѣдуетъ (см. его „Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія“ Москва 1913 г. стр. 21 и 290). Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію г. Эльпе, г. Мечниковъ сводитъ весь смыслъ человѣческаго существованія къ узко-эгоистическому стремленію. Но, иного воззрѣнія и быть не можетъ у ученаго, считающаго человѣка за „обезьяннаго урода“, или за „усовершенствованную обезьяну“. Мечниковъ говоритъ, что уже 4 человѣка (вѣроятно, оперированныхъ по его указаніямъ) живутъ безъ желудка. Но спрашиваетъ Эльпе: „нормальною ли жизнью они живутъ“? Иное дѣло въ тѣлѣ духовномъ, а иное дѣло въ условіяхъ жизни тѣла матеріальнаго. Но все-таки интересно отмѣтить, что нынѣшняя матеріальная наука начинаетъ имѣть общія точки соприкосновенія съ ученіемъ Откровенія Божія.

усвоили себѣ идею о тѣлѣ духовномъ, то они занялись бы исключительно приготовленіемъ себя къ высшимъ формамъ существованія. Они и теперь не вздумали бы истреблять другъ друга, если бы хорошо помнили заповѣдь о жизни будущаго вѣка и о тѣлѣ духовномъ, не боролись бы другъ съ другомъ изъ-за обладанія богатствомъ, или кускомъ земли, зная, что всякая вражда и злоба отдаляютъ отъ насъ еще и еще на нѣсколько лѣтъ наступленіе новыхъ, лучшихъ формъ существованія въ тѣлѣ духовномъ, когда все равно всѣмъ будутъ открыты пространства всего міра и сокровища всѣхъ небесныхъ свѣтилъ. Вотъ почему такъ истинны слова Спасителя, осуждающія земную страсть къ пріобрѣтеніямъ, къ богатству всѣми способами даже до забвенія своихъ высшихъ, духовныхъ интересовъ, до погубленія своей души: „какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ (т.-е. хотя бы получилъ въ обладаніе весь земной шаръ съ его богатствами), а душѣ своей повредитъ“ (т.-е. сдѣлаетъ ее неспособною къ высшимъ формамъ существованія въ условіяхъ духовнаго тѣла). „Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою“? (Мрк. 8, 36—37). Какимъ бѣднякомъ оказался бы такой владѣтель земного шара со всѣми его богатствами, но погубившій свою душу, одебелевшій свое тѣло такъ, что оно въ жизни будущаго вѣка не способно будетъ подниматься въ высшія сферы, въ сравненіи съ тѣми, которымъ будетъ дана въ обладаніе вся вселенная со всѣми ея богатствами! *)

Итакъ, изъ всего сказаннаго вытекаетъ задача и смыслъ нынѣшней земной жизни.

Нынѣшняя жизнь есть приготовительный классъ къ вѣчности, нынѣшняя жизнь есть школа для будущей жизни. Нужно воспитывать себя здѣсь на высшихъ, моральныхъ и духовныхъ эмоціяхъ, чтобы воспитать въ себѣ сѣмя для образованія потомъ высшихъ, духов-

---

*) Интересно по этому поводу вспомнить заявленіе руководителя этическаго движенія въ странѣ доллара г. Шельдона, который говоритъ: „чѣмъ больше погружаемся мы въ борьбу за хлѣбъ и имущество, тѣмъ менѣе задумываемся мы надъ смысломъ человѣческаго назначенія, тѣмъ болѣе *вымираетъ въ насъ душа*“ (В. Кожевниковъ, „Современное научное невѣріе“, стр. 20).

ныхъ формъ бытія. Подобно тому какъ въ школѣ тѣ ученики, которые работаютъ, приготовляютъ этимъ самымъ себѣ высшія формы жизни въ обществѣ, въ качествѣ передовыхъ дѣятелей, которые двигаютъ человѣчество впередъ, такъ точно, кто поработаетъ и здѣсь теперь въ условіяхъ нынѣшняго земного существованія, тотъ возраститъ въ себѣ залогъ для новыхъ лучшихъ формъ. Какъ изъ школы прилежно работавшіе выходятъ въ жизнь съ высшимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, такъ работавшіе здѣсь, на землѣ, въ смыслѣ моральномъ будутъ въ жизни вѣчной пользоваться большимъ блаженствомъ и большой свободой. Имъ будутъ открыты самыя высшія области. Они будутъ способны туда подниматься и тамъ обитать. Менѣе работавшіе въ этомъ направленіи, или совсѣмъ не работавшіе, хотя и воскреснутъ съ тѣлами нетлѣнными, но, такъ сказать, менѣе духовными, благодаря чему имъ открыто и будетъ доступно меньшее количество небесныхъ сферъ, а для нѣкоторыхъ, въ теченіе земной жизни исключительно погрязавшихъ въ порокахъ, будетъ назначена одна какая-либо область, гдѣ они будутъ испытывать и моральныя, и физическія страданія.

Однимъ словомъ, въ этой жизни намъ даны отъ Бога таланты: кому одинъ, кому два, кому пять. Но даны не только таланты, но дана и способность ихъ развивать. Если мы этого не дѣлаемъ, то показываемъ, что не понимаемъ смысла нашей теперешней жизни. А ея смыслъ заключается въ приготовленіи себя къ вѣчности, къ новой лучшей жизни, въ условіяхъ лучшаго, высшаго существованія.

Мало этого. Если у насъ не хватаетъ своихъ силъ, умѣнія, или иногда и желанія работать въ этомъ направленіи, то Богъ, по милосердію Своему, даетъ намъ еще руку Своей помощи. Онъ даетъ намъ спасительную прививку въ таинствѣ причащенія Тѣломъ и Кровью Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа. Какъ въ медицинѣ прививки оказываютъ спасительное дѣйствіе, какъ садоводъ путемъ прививки измѣняетъ свойства растеній и ихъ культивируетъ, такъ и мы путемъ причащенія можемъ измѣнять свой грѣшный составъ, впитывая въ него сѣмя жизни вѣчной. Но нужна, конечно, и своя личная работа надъ собою, ибо отъ степени

этой работы будетъ зависѣть впослѣдствіи и степень новой формы нашего будущаго существованія. Впрочемъ, здѣсь дѣло не всегда зависитъ отъ количества времени, употребленнаго на работу. Разбойникъ благоразумный переродился всѣмъ своимъ моральнымъ существомъ въ одинъ часъ. Но такіе исключительные примѣры не должны считаться за правило. Намъ нужно помнить, что въ теченіе жизни пріобрѣтаются навыки и привычки. Привычки грѣховныя будутъ мѣшать намъ перерождаться. Но такія исключительныя обстоятельства, какъ, напр., мученичество за вѣру можетъ переродить душу въ одинъ моментъ и сдѣлать ее чище, чѣмъ у подвижниковъ, которые работали надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ весь день своей жизни (тогда какъ мученики, такъ сказать, работали только одинъ часъ). Вотъ о такихъ обстоятельствахъ и сказано въ евангельской притчѣ, что послѣдніе могутъ иногда оказаться въ числѣ первыхъ.

Но во всякомъ случаѣ нужна своя личная, сознательная и умственная, и моральная, и эстетическая работа надъ собою въ сознаніи, что она нужна для подготовки себя къ новымъ, высшимъ формамъ существованія въ условіяхъ вѣчности; что въ ней, въ этой работѣ, заключается истинный смыслъ нашей земной жизни.

Итакъ нужно работать надъ усовершенствованіемъ себя во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы приготовить себя къ новымъ, высшимъ формамъ существованія. Нужно воспитывать въ себѣ начала истины, или правды, добра и красоты. Работа наша сравнительно недолгая, самое большее 70 лѣтъ, послѣ которыхъ уже начинаются предсмертныя болѣзни. Смотрите, съ какимъ усердіемъ работаютъ нѣкоторые люди надъ осуществленіемъ своихъ маленькихъ земныхъ цѣлей въ продолженіе всей своей жизни. Подражая имъ въ усердіи, нужно однако работать для прочнаго счастья, работать для вѣчности. Нужно сформировать себя въ этой жизни и съ духовной и съ тѣлесной стороны такъ, чтобы тѣло наше, брошенное послѣ смерти, какъ сѣмя, въ землю, истлѣвши тамъ, дало бы ростокъ новому, высшему творенію, тѣлу духовному, а душа, укрѣпленная здѣсь, на землѣ, служеніемъ истинѣ, добру и красотѣ, дала

бы силы новому, воскресшему тѣлу, подниматься въ самыя высокія сферы *).

Ваша дѣятельность, какъ будущихъ врачей, завидна и счастлива въ томъ отношеніи, что вы больше, чѣмъ другіе, имѣете возможность развить и свои умственныя способности, а главное, что въ жизни вы будете имѣть возможность чаще, чѣмъ другіе, служить идеямъ истины, добра и красоты. Лѣча другихъ, вы будете приносить здоровье тѣлу, чтобы посредствомъ здороваго инструмента—тѣла, могъ лучше проявлять себя духъ,

---

*) Вотъ почему насильственное прекращеніе жизни путемъ самоубійства не можетъ быть одобрено съ точки зрѣнія Евангелія. Мы можемъ о самоубійцахъ жалѣть, усиленно о нихъ молиться, чтобы помочь ихъ духу укрѣпить свою нравственную волю. Самоубійцы—несчастные люди, не выполнившіе своего назначенія. Они отказались отъ той жизненной задачи, которая имъ была предложена. Другой, конечно, вопросъ, почему они это сдѣлали. Кровь ихъ и на насъ падаетъ, ибо всѣ повинны за всѣхъ, какъ сказалъ Достоевскій. Но, тѣмъ не менѣе, состояніе души ихъ послѣ разлученія съ тѣломъ должно быть ужаснымъ. Положеніе самоубійцъ можно сравнить съ плодомъ, сорваннымъ съ дерева прежде его зрѣлости, или съ цвѣткомъ, сорваннымъ, прежде чѣмъ онъ распустился, или съ зародышемъ, вырваннымъ изъ утробы прежде его рожденія. Нужно пройдти весь жизненный путь, предназначенный намъ Богомъ, до конца, чтобы достигнуть духовной зрѣлости. Самоубійцы достойны глубокаго сожалѣнія, и поэтому о нихъ нужно усиленно молиться. Наши молитвы могутъ успокоительно дѣйствовать на ихъ душу. Какъ извѣстно, спасенные отъ смерти самоубійцы (за весьма немногими исключеніями) всегда рады возвращенію къ жизни. Можно себѣ, поэтому, представить, въ какомъ угнетенномъ состояніи находится душа самоубійцы! Наша молитва будетъ дѣйствовать на душу его, какъ какое-либо успокоительное внушеніе. Изъ Евангелія мы знаемъ, что Іисусъ Христосъ исцѣлялъ по вѣрѣ другихъ. Сила Божія дѣйствовала по вѣрѣ другихъ. Такъ и въ молитвахъ за умершихъ благодать Божія дѣйствуетъ на нихъ по нашей вѣрѣ. Поэтому и молитвы за умершихъ и дѣла, дѣлаемыя въ память ихъ (построеніе больницъ, школъ и т. п.) приносятъ пользу душамъ и успокоеніе. И въ особенности важны молитвы за подвергшихся несчастной и напрасной смерти. Во всякомъ случаѣ, не новое христіанство, о которомъ мечтаютъ авторы сборника „Самоубійство“ (К—во „Заря“ 1911 г. Москва), а уясненіе всякимъ юношей смысла человѣческой жизни предотвратитъ печальное явленіе нашихъ дней—самоубійство молодежи. Прекрасная брошюра, посвященная вопросу о самоубійствѣ, принадлежитъ перу извѣстнаго профессора А. И. Сикорскаго. „Психологическая борьба съ самоубійствомъ въ юные годы“: Кіевъ. 1913 г. *М. Л.*

чтобы онъ имѣлъ наилучшія условія для приготовленія себя и тѣла своего къ вѣчности.

Поэтому вы, будущіе врачи, и съ этой точки зрѣнія несете высокую миссію въ человѣчествѣ. Церковь чтитъ многихъ врачей безсребренниковъ въ числѣ своихъ излюбленныхъ святыхъ.

Благо тѣмъ, которые поставятъ задачей своей жизни послужить человѣчеству для достиженія имъ идеаловъ истины, добра и красоты. Служа человѣчеству въ этомъ направленіи вы и сами будете осуществлять въ своей дѣятельности истинный смыслъ жизни человѣческой на землѣ.

Проф.-Прот. *М. Лисицынъ.*